

ЧУВСТВО ДОМА

⚠ 18+

Даниэль
Шрайбер

*Как мы ищем
свое место*

Даниэль Шрайбер Чувство дома. Как мы ищем свое место

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73525953

Даниэль Шрайбер «Чувство дома. Как мы ищем свое место»: ООО

«Издательство «Эксмо»; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-218800-8

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Что удерживает нас в месте, которое мы называем домом? Язык, ландшафт, люди. А еще, вероятно, почти неуловимое чувство, что здесь можно быть собой. Немецкий писатель Даниэль Шрайбер соединяет собственные страхи и надежды с мировой философией, социологией и культурной критикой и размышляет о переживании чужести в родном городе, о коллективной памяти беженцев. И о том, как с ходом жизни меняется наше ощущение принадлежности, наше чувство дома.

Содержание

Откуда тоска?	5
Наше наследие	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Даниэль Шрайбер

Чувство дома. Как

МЫ ИЩЕМ СВОЕ МЕСТО

© 2017 Hanser Berlin im Carl Hanser Verlag GmbH & Co.
KG, München

© С. Ташкенов, перевод с немецкого, 2026

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

Individuum®

* * *

Откуда тоска?

Нет весны красивее лондонской. Дни быстро наливаются еще мягким солнцем. Повсюду зеленеют ухоженные городские парки, все вокруг расцветает приятными красками: сначала кусты камелий, розовых и цвета слоновой кости, затем штрихами желтого вступают различных сортов нарциссы, потом анемоны, тюльпаны, магнолии, и наконец, вишневые деревья неповторимого пурпурного оттенка. На фоне всего этого словно из ниоткуда появляются утки-мандаринки, лысухи и лебеди-шипуну, пробуждая каналы и пруды к новой жизни. Этот период длится несколько недель, иногда месяцев. Зелень захватывает город с такой нежной решимостью, что кажется, будто все это навсегда.

Мне уже доводилось бывать в Лондоне, и не раз, но теперь предстояло остаться здесь сразу на несколько месяцев. Когда самолет приземлился в Хитроу, я почувствовал облегчение. Позади осталось изнурительное время с бесчисленными интервью и авторскими вечерами, и я с нетерпением ждал, когда смогу наконец перевести дух и вернуться к письму. Двое друзей предоставили мне свой небольшой дом в восточной части города, чтобы я присматривал за ним, пока они будут работать над проектом в Америке. Это была почти семейная договоренность – в предыдущие годы мы уже нередко так делали. Со временем мне полюбился и этот дом, и рай-

висимо от контекста, наша потребность в близости всякий раз приводила к болезненным конфликтам. В какой-то момент я решил перестать ■■■■■■ встречаться, хоть мы и находились в одном городе.

Решение, равносильное новому расставанию, далось мне очень и очень тяжело. Конечно, я не ждал, что буду чувствовать себя великолепно, но я не был готов к кризису, в который ввергло меня это решение. Оно выбило почву из-под ног. После нашей последней встречи я перестал нормально есть и спать. Несколько дней спустя я бросил бесплодные попытки работать над текстом, который обещал редакции журнала. Я был не в состоянии написать ни строчки. Осознавая всю глупость затеи, вновь закурил. Весь бытовой распорядок моей маленькой лондонской жизни испарился, будто его и не было. Все, что я мог, – это бесцельно бродить по городу, сидеть в парке и с открытой книгой в руках смотреть на птиц в пруду и на прекрасную весеннюю зелень. По лицам друзей я понял, что они начинали за меня беспокоиться. Давно мне не было так грустно.

У каждого жизненного кризиса есть свой саундтрек, композиция тем и мотивов. Те весенние месяцы были пронизаны острой тоской. Я знал, что буду скучать по ■■■■■■. Но я также оплакивал что-то, что не мог выразить словами, что ощущалось как иррациональное обещание будущего. Словно больше, чем ■■■■■■, мне недоставало чувства защищенности. Тоска, определявшая этот кризис, была тос-

Почему вообще важно иметь свой дом? И что это, собственно, значит – быть дома? Чувство дома – парадоксальная эмоция. Это настолько фундаментальная часть жизни, что мы почти о нем не задумываемся – разве что поневоле. Чувство дома привязано к определенному месту, иногда к нескольким, но в то же время оно гораздо больше какого-то места. То, что входит в понятие «дом», вызывает больше образов, воспоминаний и ожиданий, чем что-либо еще – и вместе с тем трудно дать ему определение.

Даже в самых ранних индоевропейских языках существовали слова, включающие в себя комплекс значений дома, поселения, материальной и духовной надежности. Индийско-американский этнолог Арджун Аппадурай называл желание иметь свой дом «базовой человеческой потребностью в локализации». По его мнению, эта потребность выходит далеко за рамки обстоятельства, что люди обживаются в определенном месте; скорее, она включает в себя также существенные аспекты принадлежности, надежности и общности. Почти каждый из нас рано или поздно начинает тосковать по чувству защищенности, по дому. С точки зрения психоанализа впервые мы испытываем чувство защищенности в младенчестве, находясь в надежных объятиях родителей, а затем зачастую всю жизнь ищем возможности испытать его снова. По словам французского философа Симоны Вейль, «укоренение – это, быть может, наиболее важная и наименее признанная потребность человеческой души». В контексте ис-

тории и культуры то, что мы понимаем под «домом», может принимать различные формы в зависимости от эпохи, страны и общественного уклада, но это одна из наших фундаментальных антропологических констант. Желание иметь свой дом глубоко закреплено не только в каждом из нас, но и в нашем коллективном бессознательном. Оно определяет, как мы организуем свою социальную жизнь, как думаем о том, кто мы такие, и как видим общество, в котором живем.

Возможно, именно это глубокое психологическое, историческое и культурное закрепление заставляет нас считать, что свой дом – нечто само собой разумеющееся и сегодня. При ближайшем рассмотрении оказывается, что всё ровно наоборот: для многих отношение к тому, что мы называем домом, сейчас сложнее, чем в совсем недавнем прошлом, и есть все основания полагать, что эта тенденция будет укрепляться. Все меньше людей остаются жить там, где родились. Классические модели отношений, долгое время казавшиеся общепринятыми, утратили значение. Для одних растущая глобализация мира сопровождается расширением жизненных возможностей, для других – чувством потери себя. Усугубляющийся раскол в обществе и структурные изменения в политике и публичной сфере тоже ведут к удивительно глубокому чувству неустойчивости. Мы живем в эпоху потрясений, а такие времена всегда влекут за собой перемены в наших фундаментальных представлениях о мире и о том, что такое дом.

Наиболее отчетливо нынешние трансформации считаются по тому, как постепенно теряет актуальность некогда столь важный вопрос «Откуда вы родом?». Рассуждая о своем происхождении, писатель индийских корней Пико Айер, родившийся в Великобритании, выросший в США и проживающий в Японии, приходит к выводу, что всё больше людей наделяют место, где выросли, иным значением, чем еще несколько десятилетий назад. Сегодня большинство из нас успевают переехать по несколько раз за жизнь, некоторые меняют страну или даже континент, одни – навсегда, другие – на время. У кого-то дом ассоциируется с родителями, кто-то сознательно выбирает на время вторую родину, для кого-то это место связано с партнером, работой или налоговым резидентством. Если в недавнем прошлом люди, родившись в определенной географии или социальном круге и классе, как правило – в том числе эмоционально, – оставались привязанными к ним, в наши дни самопонимание и чувство принадлежности на удивление часто подвергаются процессам дробления.

Сложно не сетовать с ностальгией на эту тенденцию, но для многих она оказывается большим благом. Скольким теперь удастся найти свой дом, о чем раньше и подумать-то было сложно. Особенно у тех, кто не вписывается в нормы общества, в котором они родились, для кого место происхождения связано с опытом изоляции и стигматизации, теперь есть возможность где-то еще найти людей, имеющих схожий

опыт, или просто людей, которые примут и полюбят их такими, какие они есть. Возможно, это самый прекрасный и революционный аспект изменений, происходящих с нашим представлением о доме: сегодня гораздо больше людей могут найти сообщество, в котором их будут уважать и оберегать, сообщество, примерно соответствующее тому, что Ханна Арендт вслед за Аристотелем называла «полисом», сообщество, где люди не стремятся создать одну на всех идентичность, но дают другому пространство для его инаковости.

Метаморфоза наших представлений о доме не ограничивается Германией, это глобальное явление. Сегодня около 250 миллионов человек живут в стране, где они не родились, – на 40 % больше, чем 15 лет назад. Среди них есть люди, бегущие от войн и системного коллапса родной страны в поисках достойной жизни. Встречаются и представители мировой экономической элиты, которые все больше предпочитают перемещаться между Европой, Америкой и Азией. Подвижность этих людских потоков влияет на весь мир. Она учит мыслить и чувствовать иначе.

Если раньше чувство дома ассоциировалось с конкретным местом, откуда мы родом, сегодня оно скорее связано с воображаемым местом, куда мы хотим попасть. Дом стал чем-то, что приходится всю жизнь искать и строить: место в равной мере реальное и воображаемое, духовное и социальное, где мы остаемся жить по причинам, которые даже не нужно осознавать. Похоже, что в коллективном понима-

нии «дома», синонимом которого долгое время было «происхождение», важен теперь поиск, один из наиболее существенных: поиск сообщества, семьи, внутренней гармонии с миром. Места, где кончается бегство, где перестаешь убежать. Места, где обретаешь себя.

Периоды мрака мучили меня и раньше, осложняя мне жизнь на недели, а то и на месяцы; иногда они выливались в депрессию, целиком выводили меня из строя. Со временем я научился с этим жить. С тех пор как несколько лет назад я бросил пить, такие периоды стали реже, порой казалось, они вовсе исчезли. Депрессия, начавшаяся в Лондоне, ощущалась иначе. Она нахлынула с неожиданной силой и держалась много месяцев, даже когда я вернулся в Берлин. Буквально непреодолимое сопротивление удерживало меня от того, чтобы вернуться к проверенным привычкам, прежде помогавшим мне проживать такие периоды. Я не ходил ни на йогу, ни на бокс, кроссовки для бега не покидали своего угла, а о медитации не возникало и мысли.

Ситуация времен лондонской весны и после осложнялась ощущением, что моя внутренняя нестабильность усугублялась ненадежностью внешней. Будто глубокий кризис переживает весь мир, а не я один. По сути, всех нас питает иллюзия, что наше эмоциональное состояние имеет мало общего с тем, что происходит вокруг, с политическими и социальными колебаниями, с тем, что раньше называлось «мировым

ходом вещей». В глубине души мы хотим верить, что все это не особенно влияет на то, как мы живем и что чувствуем. Необходимая, вероятно, иллюзия, без которой мы бы вряд ли справились с жизнью. Но для меня она разбилась вдребезги.

В то время нельзя было не заметить ухудшения политических настроений. Казалось, никогда прежде мне не доводилось быть свидетелем стольких терактов, войн, экономических кризисов, климатических катастроф. По Германии расплзлось чувство, будто центр общества, который всегда был движущей силой страны, готов разрушиться. Все больше проявлялась радикализация, какую я воочию наблюдал в США десятилетием ранее, и вместе с ней – ненависть, угрожавшая самой сути политической культуры страны, моей страны, ориентированной на умеренность и консенсус. Вновь оказались приемлемыми мнения, порожденные расизмом и нетерпимостью. На политических ток-шоу и в печатных СМИ крепили голоса, мобилизующие против людей из других стран, открыто гомофобные и мизогинные, но окружавшие себя аурой отважных политических аутсайдеров. Подобные тенденции набирали силу не только в Германии. Пока политику мотало от кризиса к кризису, по миру распространялись посланники нетерпимости, прославлявшие якобы старые добрые времена.

Между тем мировые системы порядка, на которые каждый из нас полагался, давали все более очевидные сбои. Европа,

которую я знал большую часть своей взрослой жизни, словно заигрывала с экономическим и мировоззренческим коллапсом. Непредсказуемые, управляемые автократами государства как никогда прежде внушали страх остальному миру. Глобализация порождает все больше неравенства. Беженцы из зон военных действий ежедневно открывали европейцам глаза на их заблуждение, будто несчастье, определяющее повседневность людей во многих других частях света, можно нескончаемо держать на расстоянии.

Я не мог не воспринимать эти перемены иначе как угрозу. Мне очень хотелось верить, что ощущение переломного момента истории меня обманывает. И все же я не мог избавиться от страха, что в эти месяцы подходила к концу эра стабильности, о которой я, как и многие, думал, что она будет длиться вечно.

Неудивительно, что в такой политической и социальной ситуации у многих людей невероятно обостряется потребность в стабильности и желание где-то чувствовать себя дома. Но спасает ли нас уверенность в обретении своего дома, когда мы сталкиваемся с подобными проблемами? Палестинско-американский теоретик культуры Эдвард Саид относился к этому скептически. В знаменитом эссе «Мысли об изгнании» он отмечал, что наши представления о доме могут обернуться опасными формами догм и ортодоксий. По словам Саида, люди часто неистово отстаивают свои границы и

стены вопреки здравому смыслу и практической пользе, превращая их в прямую антитезу безопасности и надежности.

Саид был не единственным, кто так думал. Значительная часть философии и интеллектуальной истории XX века, столь щедрого на катастрофы, относилась к понятию дома на удивление негативно и в его отрицании пошла еще дальше. По мнению американского философа Сьюзен Нейман, сомнение в существовании дома – это шифр модерна, один из его фундаментальных, неизбывных признаков. Яснее остальных эту идею отвергал Теодор Адорно. В философской автобиографии «*Minima Moralia*», написанной в калифорнийской эмиграции под впечатлением от ужасов Второй мировой войны, он трактует любой дом как догматику, изобретение общины, сомнительное предписание: «Быть не при самом себе у себя дома стало нормой морали». Он имеет в виду, что нельзя заблуждаться относительно катастроф, что нас ничто уже не спасет, что нет больше ничего безобидного, что, перефразируя одно из его самых знаменитых предложений из «*Minima Moralia*», не бывает настоящей жизни в ложной.

Спустя семь десятилетий после «Размышлений из поврежденной жизни», как звучит подзаголовок книги Адорно, стало ясно, что «настоящая» жизнь в обществе вряд ли когда-то наступит и что нам, вероятно, не стоит ждать времени без угроз, террора и горькой несправедливости. Однако с нынешней исторической дистанции мы наверняка знаем, что

нам все же нужна личная жизнь, которая будет настоящей лично для нас, жизнь, которая будет чувствоваться настоящей. Возможно ли вообще, следуя моральному требованию Адорно, игнорировать фундаментальную тоску по дому или даже отучить себя от нее? И что бы это дало?

Каждый из нас должен найти собственные ответы на события эпохи, которые влияют на нашу жизнь. Время, начавшееся для меня лондонской весной после разрыва отношений, определялось чувством неожиданно большой утраты, кричащим пустым пятном на моей внутренней карте, уверенностью в том, что мне чего-то не хватает. Чего-то, что я мог назвать только «домом». Мне казалось, что я недостаточно привязан, я тосковал по чему-то, что удерживало бы меня, давая определенную стабильность. Нужно было что-то сделать с неопределенностью, которую я ощущал, найти способ сосуществовать с историческими процессами – и понять, как справиться с личной ситуацией.

Хотел я того или нет, но я был в кого-то влюблен, и теперь предстояло распрощаться с некоторыми надеждами, с жизнью, которую я против собственной воли себе нафантазировал. В то же время скорбь по концу отношений казалась симптомом чего-то более глубокого, с чем я никогда не хотел разбираться. Я затруднялся сказать, испытывал ли я когда-нибудь то чувство защищенности, которое многие ассоциируют с чувством дома. Я приближался к чему-то вроде

середины жизни и не знал, ни где мне стоит жить, ни как вообще где-то почувствовать себя дома. В те ясные, наполненные цветением весенние дни в Лондоне, когда уже мало что казалось прежним, я вдруг со всей уверенностью почувствовал, что пришло время принять решение. В пользу чувства своего дома. Решение искать.

Наше наследие

«Прошлое не бывает мертво, – писал Уильям Фолкнер. – Это даже не прошлое». В этом наблюдении он был не одинок. Литература ушедшего века богата романами, в которых речь идет о длинной тени личного опыта наших родителей, дедов и прадедов, об исторических сломах и травмах: от осмысления бегства в романе Кристи Вольф «Образы детства» до семейных историй, таких как «Печали американца» Сири Хустведт. Лежащая в основе этих книг теория проста: прошлое продолжает жить в нас – как повторяющийся нарратив или же, напротив, как нарратив, который не рассказывается и который мы бессознательно воспринимаем как лауну. Оно продолжает существовать в виде переноса моделей поведения и мыслительных фигур, а также чувств, которые мы считываем с лиц родителей, бабушек и дедушек. Зачастую оно живет внутри нас собственной тайной жизнью, подспудным знанием воздействуя на все наши убеждения и поступки. Оно влияет на то, как мы движемся по миру. Но насколько эта теория психологического наследования действительно имеет к нам отношение? Правда ли нас преследуют воспоминания, которые никак не могут быть нашими, и модели поведения, которые были предопределены до нас? И если да, то что это значит для нашей жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.